

УДК 342

**ИНСТИТУТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ:
ДЕФИНИТИВНАЯ ПРОБЕЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ
ПРИМЕНИМОСТИ**

Радомский Ю. А.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Статья посвящена анализу в значительной степени спорного и неоднозначного для отечественной правовой среды явления – институту конституционно-правовой ответственности. В рамках настоящего исследования устанавливается, что конституционно-правовая ответственность в понимании российского законодателя не разграничена с иными разновидностями ответственности должным образом. Более того, становится понятным, что помимо наличия свойственной Конституции РФ дефинитивной пробельности по анализируемому вопросу, отсутствует также единство мнений и на доктринальном уровне: среди исследователей-конституционалистов советского периода и настоящего времени отмечается наличие излишней вариативности и не последовательности в выводах. Помимо теоретических недостатков, в работе устанавливается наличие прикладных несовершенств, касающихся правовой применимости института конституционно-правовой ответственности, в частности, в отношении органов исполнительной власти. Акцентируется внимание на роли коллективной и индивидуальной моделей ответственности. Также статья посвящена анализу зарубежного опыта по схожей категории правоотношений и подходов зарубежных законодателей.

Ключевые слова: конституционно-правовая ответственность, коллективный субъект, правовая дефиниция, меры государственного принуждения, Конституция Республики Польша, солидарность, политическая деятельность.

Понимание природы и сущности процессов формирования юридической ответственности в различных отраслях общественной жизни представляло интерес для исследователей-правоведов, а также законодателей и правоприменителей во все времена, начиная с периода образования способностей к самопознанию, самоанализу и возможной перспективе развития прогностических мероприятий в уже устоявшейся социальной модели существования. Категория «ответственность» является разноплановой, но, в анализируемом контексте, берет начало из природы понимания сущности социальной ответственности. Социальная ответственность – это не просто разновидность ответственности, но и глобальный этический принцип, начало, обуславливающее развитие человека во взаимодействии и в среде общественной. Последняя возлагает на субъекты обязанность реализации модели слаженного сосуществования и производства во благо интересов социума, а в случае неисполнения заданного курса, формирует необходимость претерпевания негативных последствий, направленных на воплощение идей общей и частной превенции.

В результате естественноисторического развития, социальная ответственность размежевалась с юридической ответственностью, а последняя приобрела характер отраслевой и, в контексте правового регулирования, была подразделена на такие составляющие, как уголовная, гражданская, конституционная, административная, экологическая и иные виды ответственности. В свою очередь, интересующий в рамках настоящего исследования институт конституционно-правовой ответственности развивался несколько непланово.

В советский период, начиная с 1918 г., конституционно-правовая ответственность именовалась как государственно-правовая, что было связано с актуальным наименованием правовой дисциплины. И, хотя в большинстве случаев данные кате-

гории синонимизируются, характеризуясь, как этапы развития одного явления, в литературе встречаем мнение о разноплановом понимании институтов государственно-правовой и конституционно-правовой ответственности. В его пользу отмечается более обширный характер государственно-правовой ответственности, где конституционная ответственность является лишь ее составным элементом. Однако, данная точка зрения не является неоспоримой: регламентация любой разновидности юридической ответственности осуществляется государственно-правовыми нормами, исходя из чего государственно-правовой ответственностью могут быть охарактеризованы любые виды отраслевой ответственности. В этой ситуации переход от государственно-правовой к конституционно-правовой ответственности был продиктован историческими реалиями и поэтапным развитием концепции правового статуса личности, в связи с чем говорить о наличии института конституционно-правовой ответственности следует в рамках постсоветского периода России.

Определение соотношения конституционно-правовой и государственно-правовой ответственности является важным звеном нашего исследования по следующей причине: в советский период государственно-правовая ответственность характеризовалась наличием ярко выраженного негативного характера ответственности. Как правило, последняя реализовывалась в сфере политических отношений, как предоставление отрицательной оценки действиям государственного органа и/или должностного лица, со стороны избирателей либо самих депутатов. Таким образом, ответственность советского периода представляла собой институт порицания.

С принятием Конституции РФ, конституционная ответственность приобрела форму принципа ответственности каждого отдельно взятого государственного органа и должностного лица за порученное дело. В связи с чем институт конституционно-правовой ответственности наряду с негативным окрасом приобрел также позитивный аспект: возлагаемая законом на должностное лицо ответственность тесно коррелирует с его компетенцией, в некоем роде, обуславливая ее существование.

Что следует понимать под конституционно-правовой ответственностью? Данный вопрос, исходя из модели нормативного закрепления законодателем сущности и критериев рассматриваемой категории, вызывает определенные трудности не только в части толкования законов, но и правоприменительной деятельности. Так, А.Ю. Олимпиев под конституционно-правовой ответственностью предлагает понимать «предусмотренную нормами Конституции РФ и других ФЗ, а также обеспеченную мерами государственного воздействия в целях защиты конституционно-правовых отношений обязанность субъектов таких правоотношений претерпевать различные неблагоприятные последствия за свое юридически значимое поведение, нарушающее конституционный правопорядок, установленный данными нормами» [1].

Несколько иной точки зрения придерживается А.А. Титова, определяющая конституционно-правовую ответственность как «самостоятельный вид юридической ответственности, выражающийся в реализации конституционных санкций к субъектам конституционно-правовых отношений, обладающих специальной конституционной правосубъектностью, в случае совершения ими конституционного деликта в порядке, установленном законом» [2]. В отличие от предыдущего определения, акцентирующего внимание на сущности конституционно-правовой ответственности как некой обязанности, возлагаемой на субъект, А.А. Титова отмечает структурно-классификационный критерий – относимость конституционно-правовой ответ-

ственности к категории юридической. Исходя из расхождений в подходах, различны и выделяемые существенные признаки: в первом случае – обязательная нормативно-правовая регламентация нарушаемых интересов, а также – применение мер государственного воздействия, во втором – наличие у лица, совершающего правонарушение, конституционной правосубъектности.

Предлагаемые доктринальные определения института конституционно-правовой ответственности несовершенно и не в полной мере учитывают специфику анализируемого явления. Несмотря на их разноплановый подход, очевидна общая черта – раскрытие сущности конституционной ответственности через призму ее сугубо негативного аспекта. Достаточно распространенной является точка зрения, в соответствии с которой в юридическом понимании ответственность не может соотноситься с толкованием того же явления с философской точки зрения. Например – в рамках конституционной ответственности не представляется возможным выделить ее позитивный аспект, поскольку ее целевое назначение – претерпевание субъектом, нарушившим норму, негативных последствий, благодаря чему и реализуется модель частно-превентивного вмешательства в правовое сознание нарушителя. Более того, упоминается, что ответственность – это соответствующая реакция на совершенное правонарушение, а последнее, по понятным причинам, носит негативный характер.

Противоположная точка зрения, отстаиваемая приверженцами позитивного аспекта конституционно-правовой (и юридической) ответственности, заключается в наличии т.н. инициативного начала, в соответствии с которым ответственность начинается не только в связи с совершенным правонарушением, но и со стадии добровольного волеизъявления на исполнение обязательств. Более того, ответственность следует признавать истинно позитивной ввиду ее уникальной возможности по реализации воспитательной функции в отношении субъекта, нарушившего обязанность, а также окружающих его лиц.

Проанализированные подходы, несмотря на их аргументированную и, одновременно, взаимоисключающую категоричность, видятся не в полной мере соответствующими действительности. В рамках исследования автор придерживается точки зрения о двуначалии сущности конституционной ответственности, в связи с чем дальнейший анализ, в том числе, в части изучения наиболее благоприятной модели построения правовой дефиниции, будет основываться на сформулированном подходе. Касательно легального толкования критерий пробельности, к сожалению, также достаточно высок, и выражается не только в отсутствии официальной правовой дефиниции, но и (в сравнении с иными видами ответственности) достаточно скудными упоминаниями о возможности применения конституционно-правовой ответственности в рамках отечественного правового поля. Более того, анализ Конституции РФ позволяет сделать вывод, что законодатель оперирует лишь термином «ответственность», не акцентируя внимания на ее конституционном характере. При этом, в той же Конституции, а именно в ч. 2 ст. 122 упоминается возможность привлечения судьи к уголовной ответственности [3].

Исходя из изложенного, отметим практическую необходимость в разработке комплексного определения конституционно-правовой ответственности. Необходимо выявить наиболее значимые признаки анализируемого явления, в числе отметим:

1) конституционно-правовая ответственность – это вид юридической ответственности. В результате развития государства и общества социальные и, затем, юридические науки, прошли этап деления на отраслевые элементы;

2) наличие субъекта, обладающего конституционной правосубъектностью. В перечень субъектов конституционно-правовых отношений входят четыре основных элемента: народ, государство, общество, личность, а все дальнейшие вариации взаимоотношений строятся во взаимосвязи субъектов между собой и друг с другом. Определение института правосубъектности в контексте анализируемой правовой отрасли не нашло своего должного отражения в современных трудах по конституционному праву: как правило, наличие конституционной правосубъектности упоминается лишь поверхностно, посредством раскрытия общих положений теории права, либо не упоминается в принципе. Довольно распространенным является мнение, «что в основу разрабатываемой теории конституционной правосубъектности должны быть положены, в первую очередь, особенности предмета конституционно-правового регулирования. Учитывая неоднородность отношений, входящих в предмет регулирования конституционного права, наиболее адекватным будет выделение нескольких типов конституционной правосубъектности» [4]. Нами поддерживается приведенная точка зрения, в связи с чем отметим, что под конституционной правосубъектностью, в контексте ее роли как одного из признаков формируемой правовой дефиниции, следует понимать юридическую категорию, состоящую из исключительной (народ как первоисточник прав и обязанностей, поскольку конституционное право – это акт народной воли), абсолютной (сочетание публичноправового и частноправового начал, т.е. публичного, в том числе РФ как государства, и частного субъекта), общей и ограниченной (наиболее часто являются разновидностями правосубъектности для физических лиц, обладающих некоторыми особенностями, в частности пол, возраст, социальное положение и т.д.), специальной (помимо физических лиц, характерно для государственных органов РФ, субъектов РФ, органов местного самоуправления) конституционной правосубъектности;

3) наличие приоритетной цели, выражающейся в защите важнейших сфер отношений. Целевое назначение можно разделить на следующие направления – репрессивное, т.е. обеспечивающее карательную функцию ответственности по отношению к субъекту, нарушившему правовое предписание, а также восстановительное, выраженное в реализации защитной функции в отношении пострадавшей стороны, своего рода реабилитации правового положения;

4) предпосылка – наличие совершенного правонарушения. В значительной степени удачное толкование сущности конституционного правонарушения было предложено В.Р. Саттаровым, по которому – это «противоправное поведение субъекта конституционных правоотношений, заключающееся в его действии или бездействии, противоречащее предписаниям норм и принципам конституционного законодательства в виде неисполнения или ненадлежащего исполнения установленных конституционным законодательством обязанностей, запретов либо злоупотребления правомочиями, либо неприменения субъективного права, причиняющее вред, создающее общественную опасность регулируемым конституционным правом общественным отношениям, законности и правопорядку, которое подвергается осуждению (порицанию) и применению установленной меры государственно-правового воздействия уполномоченным государственным органом или должностным лицом,

в том числе меры конституционно-правовой ответственности при его виновности с возложением негативных (неблагоприятных) последствий» [5].

Основание конституционно-правовой ответственности выражено в совокупности трех составляющих: нормативное (наличие официального нормативного акта, фиксирующего нарушаемое право); фактическое (наличие правонарушения в отношении данной зафиксированной нормы); процессуальное (легитимный порядок применения санкции правовой нормы).

5) Причина – невыполнение либо ненадлежащее выполнение субъектами своих конституционных обязанностей, либо злоупотребление своими конституционными правами.

6) Результат – неблагоприятные последствия для правонарушителя. Отметим, что, учитывая двусмысловой подход в оценке института конституционно-правовой ответственности через призму позитивного и негативного аспекта, одновременно предполагается также наличие признака благоприятных последствий, как для общества в целом (ввиду устранения потенциальной возможности по существованию продолжаемой противоправной деятельности), так и для пострадавшей стороны (выраженное в восстановлении нарушенного права) – в частности.

7) Форма выражения – меры государственного принуждения. Эти меры существуют в 3-х взаимосвязанных формах, предложенных далее во временной последовательности: меры конституционно-правового предупреждения. Призваны, во исполнение идей общей и частной превенции, заблаговременно осведомить потенциального нарушителя о наличии негативной оценки его возможным действиям со стороны государства, а также о последствиях (применимых санкциях) в случае совершения правонарушения. Эта стадия реализуется посредством реализации активных и/или пассивных действий по предупреждению конституционно-правовых конфликтов; меры конституционно-правового пресечения. Применимы в случае отсутствия полезного ожидаемого эффекта от предупредительных мер. Применяются в результате уже совершенного либо совершаемого правонарушения и выражаются во вмешательстве в конституционно-правовой конфликт с целью предотвращения дальнейшего вреда и негативных последствий; меры конституционно-правового восстановления. «С.С. Алексеев рассматривает защиту права в целом как государственно-принудительную деятельность, направленную на осуществление «восстановительных» задач - на восстановление нарушенного права, обеспечение юридической обязанности. Именно поэтому различные авторы не проводят дифференциации между мерами защиты и мерами восстановления нарушенного права» [6]. Однако, подобное разграничение в целом необходимо для формирования полноценного образа института конституционно-правовой ответственности посредством консолидированного анализа ее составных элементов; негативные последствия могут носить личный, организационный и/или имущественный характер.

Как видится, именно совокупность вышеперечисленных восьми признаков конституционно-правовой ответственности отражает ее правовую сущность. В связи с проведенным анализом, а также основываясь на отсутствии легального толкования, считаем возможным предложить собственный вариант дефиниции. Так, в рамках проводимого исследования, конституционно-правовая ответственность – это вид юридической ответственности, призванный осуществить защиту важнейших сфер отношений, выраженный в наличии совершенного субъектом, обладающим консти-

туционной правосубъектностью, правонарушения в связи с невыполнением либо ненадлежащим выполнением данным субъектом своих конституционных обязанностей, либо злоупотреблением своими конституционными правами, в результате чего наступают неблагоприятные последствия личного, организационного и/или имущественного характера для правонарушителя, проявляемые в форме применения мер государственного принуждения.

В контексте проводимого сравнительного анализа, однако на данном этапе - в отрыве от исторических предпосылок, обратим также внимание на следующий аспект: достаточно распространенной теоретической проблемой является смешение понятий конституционно-правовая и политическая ответственность. Неоспоримым является тот факт, что отрасль конституционного права является едва ли не самой политизированной отраслью в сравнении с иными отечественными отраслями права. В связи с чем разграничение политической и конституционно-правовой ответственности вызывает определенные затруднения. «Политическая ответственность – это ответственность за надлежащую реализацию тех властных полномочий, которые те или иные структуры получили от народа как единственного источника власти. Мерой политической ответственности будет отстранение от власти тех лиц, кто недолжным образом осуществлял свои публичные функции» [7].

Анализ исследований по заданной проблематике позволяет выделить несколько подходов к соотношению политической и конституционно-правовой ответственности: 1) политическая и конституционно-правовая ответственность – синонимичные понятия. Отчасти подход может быть охарактеризован как архаичный, присущий советскому периоду. Представитель - Боброва Н.А., отстаивающая позицию равнозначности не только анализируемых видов ответственности, но также и нравственной (моральной) ответственности, в консолидированном виде являющей собой юридическую ответственность [8, с. 11]; 2) политическая ответственность – это позитивный аспект конституционно-правовой ответственности. Иными словами, в контексте применения политической ответственности реализуется восстановительно-воспитательная функция, предполагающая защиту интересов, прежде всего, народа во взаимоотношениях с государством. В рамках данной теории реализуется основополагающий принцип конституционного права: единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ, в связи с чем, речь, как правило, идет о защите правовых возможностей, нежели обязанностях; 3) политическая ответственность – это негативный аспект конституционно-правовой ответственности. В контексте данного мнения политическая ответственность понимается через призму ее репрессивного характера, а именно – реализация санкционных мероприятий в отношении правонарушителей в области политических (конституционных) прав; 4) политическая и конституционно-правовая ответственность – различные виды ответственности. Анализируемый подход в большей степени отвечает текущим реалиям, однако, лишь в части: речь идет о неюридической политической ответственности. Для разъяснения сути сформулированной мысли, приведем 2 примера.

Первый – предлагаемые потенциальными выборными субъектами власти предвыборные обещания о выполнении определенных программных положений, о соответствии занимаемой государственной должности представляют собой объект политической ответственности, где контрольным является сама процедура выборов. «Одной из разновидностей политической ответственности будет являться ... отсут-

ствие поддержки избирателями выборного должностного лица на очередном плебисците, что свидетельствует об утрате данным лицом доверия избирателей» [7] в результате ранее не исполненных предвыборных обещаний.

Второй – неполучение поддержки на очередных выборах вследствие внешних факторов. Именно так выражается назревающая потребность в корректировке проводимого политического курса. «Субъектом, применяющим указанные формы ответственности, является народ, общество. Этот признак позволяет отделить данные формы политической ответственности власти от мер конституционно-правовой ответственности» [9]. Данный подход не является типичным, даже при проведении сравнительной параллели юридической доктрины стран СНГ. Так, в Республике Беларусь «Г.А. Василевич поддерживает тезис о существовании позитивной конституционно-правовой ответственности, а также возможности ее наступления при формальном отсутствии правонарушения. Придерживается данных взглядов и белорусский исследователь Т.С. Масловская» [10], что для российской правовой и исследовательской среды не характерно.

В результате проделанной работы на данном этапе был внесен вклад в развитие теоретических подходов к раскрытию понятия и сущности конституционно-правовой ответственности и, вероятно, сформирован дефинитивный базис для реализации законотворческой деятельности в части формирования легального определения конституционно-правовой ответственности и сопутствующих данному институту признаков. Вторая составляющая нашего исследования посвящена ключевым вопросам применимости конституционно-правовой ответственности в практической плоскости. В связи с уже обозначенной проблематикой отсутствия единства подходов в отечественной правовой среде, представляется возможным задействовать, в контексте сравнительно-аналитического анализа, успешный зарубежный опыт. В качестве понятийной основы применимы полученные ранее результаты и нововведения.

Помимо отсутствия какого-либо упоминания конституционно-правовой ответственности в самой Конституции РФ, этот институт также непосредственно не закреплён в иных нормативных актах. Однако, часто анализируемым термином оперирует Конституционный Суд РФ. Так, в Определении Конституционного Суда РФ от 28.04.2022 № 1096-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Завадского Николая Николаевича на нарушение его конституционных прав частями 7.1 и 11 ст. 40 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» указывается, что «досрочное прекращение полномочий депутата вследствие нарушения запрета (несоблюдения требования), связанного с его публично-правовым статусом, выступает, по сути, в качестве специальной меры конституционно-правовой ответственности ..., а гражданин, добровольно избирая такой род занятий, соглашается с условиями и ограничениями, с которыми связан приобретаемый им правовой статус» [11]. Таким образом, Конституционный Суд РФ в своей деятельности минимизирует отрыв теоретического пространства конституционно-правовой ответственности от позитивного права в целом.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что в российском правовом поле субъектами конституционно-правовой ответственности выступает обширный перечень элементов, в числе которых: Президент РФ; Федеральное Собрание РФ; Правительство РФ; Верховный Суд РФ; Конституционный Суд РФ; органы местного самоуправления; общественные объединения; должностные лица,

граждане. Данный перечень субъектов в целом характерен и для иных зарубежных государств, как с унитарной, так и федеративной формой государственного устройства. Так, Конституция Республики Польши, в отличие от Конституции РФ, задекларировала легальную возможность применения именно конституционной ответственности, указав в части 1 ст. 198: «За нарушение Конституции или закона в связи с занимаемой должностью или в сфере исполнения своих служебных обязанностей конституционную ответственность перед Государственным Трибуналом несут: Президент Республики, Председатель Совета Министров, а также члены Совета Министров, Председатель Польского Национального Банка, Председатель Верховной Палаты Контроля, члены Всеполюского Совета Радиовещания и Телевидения, лица, которым Председатель Совета Министров вверил руководство министерством, а также Высший Командующий Вооруженными Силами» [12]. Несмотря на то, что указание на наличие такой разновидности ответственности, как конституционная, на законодательном уровне РФ и большинства зарубежных государств, отсутствует, т.н. Польский прецедент в анализируемом вопросе в целом следует считать успешным и показательным. Учитывая тот факт, что Конституционный Суд РФ, как высший судебный орган конституционного контроля, активно оперирует термином «конституционно-правовая ответственность», как видится, в достаточной степени логичным и актуальным является внедрение правовой дефиниции в Основной закон РФ.

В текущих же реалиях в Конституции РФ «ни одно из употреблений слова «ответственность» не связано с собственно конституционной ответственностью» [13]. В связи с чем проблематику конституционной ответственности следует рассматривать через призму долженствования конкретного субъекта либо посредством анализа мер воздействия за отклоненное от установленной конституционной модели поведение субъекта.

Так, в контексте выделенной проблематики обратим внимание на пробельные аспекты применения конституционно-правовой ответственности по отношению к исполнительной ветви власти. В отношении субъектов, в чьи полномочия входит осуществление публично-правовых функций, применение института конституционно-правовой ответственности истолковывается «в форме ниспровержения требуемой высокой репутации, применяемое посредством государственного принуждения и отражающее реакцию общества на допущенное конституционное правонарушение» [14, с. 4]. В России Правительство РФ несет ответственность за свою деятельность перед парламентом (Федеральное Собрание РФ) и Президентом РФ.

Возможность формирования института ответственности Правительства РФ перед Федеральным Собранием РФ (исполнительной ветви власти перед законодательной) является реализацией одной из важнейших политических теорий – принципа сдержек и противовесов. Исходя из содержания ч. 3 ст. 117 Конституции РФ, становится очевидным, что в России подразумевается коллективный уровень ответственности Правительства РФ (перед Государственной Думой). «Находясь в составе коллегиального органа, члены Правительства несут коллективную ответственность за общее состояние социального, экономического развития государства, обороноспособность страны, соблюдение прав и свобод граждан. Сбои даже в строго ограниченных сферах деятельности исполнительной власти могут обусловить изменение общего состава Правительства» [15, с. 54]. Ситуация является в целом очевидной, и может быть объяснена наличием у исполнительного органа власти единого курса на

реализацию общегосударственной стратегии, в связи с чем Правительство РФ в понимании законодателя представляет единый правовой организм, осуществляющий исполнительно-распорядительную деятельность по заданному курсу. Анализируемая тенденция порождает закономерный вопрос: в случае совершения правонарушения отдельными членами правительства, нарушает ли принцип коллегиальности конституционно-правовой ответственности такие ключевые положения, как справедливость, соразмерность и целесообразность? Обратимся к зарубежному опыту.

Институт конституционно-правовой ответственности коллективного типа достаточно распространен на территории большинства государств Европы. Яркий пример – выражение вотума недоверия всему составу правительства. Статья 108 Конституции Испании: «Правительство несет солидарную ответственность перед Конгрессом депутатов за свою политическую деятельность» [16]. Схожие положения есть в ст. 20 Конституции Франции, ст. 190 Конституции Португальской Республики и т.д.

Ряд государств, как, например, Польша, Австрия, Греция, предусматривают возможность применения, помимо коллективной (солидарной) модели ответственности, также индивидуальной. Последняя заключается в возможности должностного лица (в т.ч., исполнительной ветви власти) нести установленную законом конституционно-правовую ответственность обособленно, соразмерно совершенному правонарушению. Удачным видится подход польского законодателя в рамках уже упоминаемой ранее Конституции Республики Польши, а именно – ст. 157. Ч. 1 анализируемой нормы гласит: «Члены Совета Министров несут перед Сеймом солидарную ответственность за деятельность Совета Министров» [12]. При этом, ч. 2 дает следующее уточнение: «Члены Совета Министров несут перед Сеймом также индивидуальную ответственность за дела, подлежащие их компетенции или порученные им Председателем Совета Министров» [12]. По такому принципу обеспечивается двуначалие конституционно-правовой ответственности самого коллективного органа и его составных элементов. Такой механизм индивидуализированной ответственности успешен, ведь позволяет не только применять процедуру возложения ответственности за совершенное правонарушение более оперативно, но и более результативно, поскольку каждый отдельно взятый член Совета Министров в полной мере осознает важность возлагаемых на него полномочий и их рисковый характер. Отдельным преимуществом считаем закрепление анализируемой нормы в рамках Основного закона, т.к. последний обеспечивает единообразие всех иных, в том числе подзаконных нормативных источников, в части заданного курса.

Таким образом, считаем возможным позаимствовать зарубежный опыт в части конституционно – правового регулирования института индивидуальной ответственности министров, выражаемой в виде вотума со стороны парламента о недоверии за принятые решения. Для России в целом тенденция к индивидуализации ответственности не является кардинальным нововведением: в результате проводимых реформ, принятия поправок в соответствии с положениями Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» ст. 113 Конституции РФ была дополнена положением следующего содержания: «Председатель Правительства Российской Федерации несет персональную ответственность перед Президентом Российской Федерации за осуществление возложенных на Правительство Российской Федерации полномочий» [3]. Однако, подобные коррективы

требуют также от законодателя легального закрепления оснований наступления конституционно-правовой ответственности членов Правительства, что, как видится, дополнительно актуализирует уже озвученную ранее необходимость в регламентации понятия «конституционно-правовая ответственность» на официальном уровне.

Список литературы:

1. Олиппиев А.Ю. К вопросу о понятии, сущности и видах конституционно-правовой ответственности / А.Ю. Олиппиев // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatiy-suschnosti-i-vidah-konstitutsionno-pravovoy-otvetstvennosti>
2. Титова А.А. Конституционная ответственность в механизме правового регулирования / А.А. Титова // Вестник СГЮА. 2012. №4 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-otvetstvennost-v-mehanizme-pravovogo-regulirovaniya>
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
4. Титова Е.В. К вопросу о понимании правосубъектности в теории права и конституционном праве / Е.В. Титова // Вестник ЧелГУ. 2010. №19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponimani-pravosubektnosti-v-teorii-prava-i-konstitutsionnom-prave>
5. Саттаров В.Р. Конституционное правонарушение / В.Р. Саттаров // ВЭПС. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-pravonarushenie>
6. Володько И.А. Виды мер конституционно-правового принуждения / И.А. Володько // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2014. №3 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-mer-konstitutsionno-pravovogo-prinuzhdeniya>
7. Шуваев К.В. Конституционно-правовая или политическая ответственность? / К.В. Шуваев // Право и государство: теория и практика. 2017. №2 (146). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovaya-ili-politicheskaya-otvetstvennost>
8. Боброва Н.А. Ответственность в системе гарантий конституционных норм. Государственно-правовые аспекты / Боброва Н. А., Зражевская Т. Д.; Науч. ред.: Основин В. С. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. - 154 с.
9. Русанов А.В. К вопросу о соотношении политической и конституционно-правовой ответственности / А.В. Русанов // Вестник ТГУ. 2008. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-politicheskoy-i-konstitutsionno-pravovoy-otvetstvennosti>
10. Шуваев К.В. Некоторые аспекты института конституционно-правовой ответственности в Республике Беларусь / К.В. Шуваев // Право и государство: теория и практика. 2017. №11 (155). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-instituta-konstitutsionno-pravovoy-otvetstvennosti-v-respublike-belarus>
11. Определение Конституционного Суда РФ от 28.04.2022 № 1096-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Завадского Николая Николаевича на нарушение его конституционных прав частями 7.1 и 11 статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: <https://consultant.cfv.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=CPxYITTeW0Wmyrmu&cacheid=C939DAA119E00980ABF4E365C0203858&mode=splus&rnd=0.17198256554470737&base=ARB&n=714197#yFKZITTMLsukmjzm>
12. Конституция Республики Польша. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/poland.pdf>
13. Мархгейм М. В., Полухин О. Н. Конституционная ответственность государства за нарушение прав и свобод человека / М.В. Мархгейм, О.Н. Полухин // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2012. №8 (127). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-otvetstvennost-gosudarstva-zanarushenie-prav-i-svobod-cheloveka>
14. Трофимова Г.А. Понятие конституционно-правовой ответственности как отраслевого вида юридической ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 7. С. 3 - 8.
15. Выскребенцева М.Ю. Коллегиальная (коллективная) ответственность Правительства / М.Ю. Выскребенцева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 53-55. ISSN 1997-292X. С. 53-55. С. 54
16. Конституция Королевства Испании. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf>

Radomsky Yu.A. Institute of constitutional and legal responsibility: definitive gap and prospects of practical applicability // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – Р. 172–182.

This article is devoted to the analysis of a largely controversial and ambiguous phenomenon for the domestic legal environment – the institution of constitutional and legal responsibility. Within the framework of this study, it is established that constitutional and legal responsibility in the understanding of the Russian legislator is not properly differentiated from other types of responsibility. Moreover, it becomes clear that in addition to the presence of a definitive gap inherent in the Constitution of the RF on the analyzed issue, there is also no unity of opinion at the doctrinal level: among constitutional researchers of the Soviet period and the present, there is excessive variability and inconsistency in conclusions. In addition to theoretical shortcomings, the paper establishes the presence of applied imperfections concerning the legal applicability of the institution of constitutional and legal responsibility, in particular, in relation to executive authorities. Attention is focused on the role of collective and individual models of responsibility. The article is also devoted to the analysis of foreign experience in a similar category of legal relations and approaches of foreign legislators.

Keywords: constitutional and legal responsibility, collective entity, legal definition, measures of state coercion, Constitution of the Republic of Poland, solidarity, political activity.

Spisok literatury:

1. Olimp'ev A.YU. K voprosu o ponyatii, suschnosti i vidah konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti / A.YU. Olimp'ev // *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-suschnosti-i-vidah-konstitucionno-pravovoy-otvetstvennosti>
2. Titova A.A. Konstitucionnaya otvetstvennost' v mekhanizme pravovogo regulirovaniya / A.A. Titova // *Vestnik SGYUA*. 2012. №4 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitucionnaya-otvetstvennost-v-mekhanizme-pravovogo-regulirovaniya>
3. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennyimi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
4. Titova E.V. K voprosu o ponimanii pravosub"ektnosti v teorii prava i konstitucionnom prave / E.V. Titova // *Vestnik CHelGU*. 2010. №19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponimanii-pravosubektnosti-v-teorii-prava-i-konstitucionnom-prave>.
5. Sattarov V.R. Konstitucionnoe pravonarushenie / V.R. Sattarov // *VEPS*. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitucionnoe-pravonarushenie>
6. Volod'ko I.A. Vidy mer konstitucionno-pravovogo prinuzhdeniya / I.A. Volod'ko // *Vestnik OmGU. Seriya. Pravo*. 2014. №3 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-mer-konstitucionno-pravovogo-prinuzhdeniya>
7. SHuvaev K.V. Konstitucionno-pravovaya ili politicheskaya otvetstvennost'? / K.V. SHuvaev // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2017. №2 (146). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitucionno-pravovaya-ili-politicheskaya-otvetstvennost>
8. Bobrova N.A. Otvetstvennost' v sisteme garantij konstitucionnyh norm. Gosudarstvenno-pravovye aspekty / Bobrova N. A. , Zrazhevskaya T. D. ; Nauch. red. : Osnovin V. S. - Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1985. - 154 s.
9. Rusanov A.V. K voprosu o sootnoshenii politicheskoy i konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti / A.V. Rusanov // *Vestnik TGU*. 2008. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-politicheskoy-i-konstitucionno-pravovoy-otvetstvennosti>
10. SHuvaev K.V. Nekotorye aspekty instituta konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti v Respublike Belarus' / K.V. SHuvaev // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2017. №11 (155). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-instituta-konstitucionno-pravovoy-otvetstvennosti-v-respublike-belarus>
11. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 28.04.2022 № 1096-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Zavadskogo Nikolaya Nikolaevicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chastyami 7.1 i 11 stat'i 40 Federal'nogo zakona «Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii». URL: <https://consultant.cfu.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=CPxYITtcW0Wmyrmu&cacheid=C939DAA119E00980ABF4E365C0203858&mode=splus&rnd=0.17198256554470737&base=ARB&n=714197#yFKZITHTMLsuk>
12. Konstituciya Respubliki Pol'shi. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/poland.pdf>
13. Marhgejm M. V., Poluhin O. N. Konstitucionnaya otvetstvennost' gosudarstva za narushenie prav i svobod cheloveka / M.V. Marhgejm, O.N. Poluhin // *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*. 2012. №8 (127). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitucionnaya-otvetstvennost-gosudarstva-za-narushenie-prav-i-svobod-cheloveka>
14. Trofimova G.A. Ponyatie konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti kak otraslevogo vida yuridicheskoy otvetstvennosti // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. 2016. № 7. S. 3 - 8.
15. Vyskrebenceva M.YU. Kollegial'naya (kollektivnaya) otvetstvennost' Pravitel'stva / M.YU. Vyskrebenceva // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2014. № 11 (49): v 2-h ch. CH. II. C. 53-55. ISSN 1997-292X. S. 53-55.
16. Konstituciya Korolevstva Ispanii. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf>